

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева»
(Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге The coming of the Terror in the French Revolution

название книги на иностранном языке

выходные данные 2015 г., The Belknap Press of Harvard University Press

(место издания, год)

перевод стр. с 13 по 21 стр.

для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский язык)

Выполнил:
Тишков Виктор Владимирович
кафедра истории России

Астрахань – 2023 г.

Introduction	Введение
The Revolutionary Process	Процесс Революции
For the French men and women who lived through it, the period from 1793 to 1794 was a deeply troubling and frightening time.	Для французов, переживших период с 1793 по 1794 год, это время было крайне тревожным и пугающим.
Only four years earlier they had witnessed the beginning of an extraordinary Revolution that utterly transformed the state and the relationship of the government to its citizens.	Всего за четыре года до начала этого периода они стали свидетелями начала удивительной Революции, которая полностью изменила государство и отношения между правительством и гражданами.
A National Assembly, created in the name of popular sovereignty, abolished a “feudal system” that had held sway in France for a thousand years.	Национальное собрание, созданное от имени народного суверенитета, упразднило «феодальную систему», которая господствовала во Франции на протяжении тысячи лет.
It also proclaimed a series of basic “human rights”: freedom of speech, freedom of the press, religious tolerance, careers determined by talent rather than by blood, and equal justice before the law.	Национальное собрание также декларировало ряд основных «прав человека»: свободу слова, свободу печати, религиозную терпимость, профессиональную деятельность, определяемую талантом, а не происхождением, а также равенство перед законом.
It then proceeded to draft Europe’s first written constitution.	Затем оно приступило к разработке проекта первой в Европе писаной конституции.
Fueled by an ever-expanding conception of liberty and equality, the Revolutionaries would subsequently broaden individual rights to include universal male suffrage, greatly expanded rights for women, the abolition of slavery, and the goals of universal education and social welfare.	Движимые постоянно расширяющейся концепцией свободы и равенства, революционеры впоследствии расширили права граждан, включив в них всеобщее избирательное право для мужчин и значительно расширенные права для женщин. Новые права также включали отмену рабства, идеи всеобщего образования и социального обеспечения.
By the middle of 1793, however, a darker side of the Revolution had emerged.	Однако, к середине 1793 года проявилась более темная сторона революции.
An increasingly dictatorial government was promoting denunciation and repression, while surveillance committees were everywhere rooting out “suspects” and purported traitors.	Правительство, становившееся все более властным, поощряло доносы и репрессии, а комитеты по надзору искали «подозреваемых» и предполагаемых предателей по всей стране.
Thousands of citizens were arrested, and hundreds of others, tried before “Revolutionary Tribunals” without appeal, were executed.	Тысячи граждан были арестованы, а сотни осужденных "Революционными трибуналами" были казнены без права обжалования приговора.
The king himself and several major political leaders, whom people once thought they could trust, had been accused of treason and sent to the guillotine.	Даже король и несколько крупных политических лидеров, которым, как считалось раньше, люди могли доверять, были обвинены в государственной измене и отправлены на гильотину.

Tragically some of those subjected to capital punishment were men and women who still claimed to be fervent supporters of the Revolution.	По трагической случайности некоторые из приговоренных к смертной казни продолжали утверждать о своей преданности революционному движению.
No less than eighty-two deputies to the National Convention— over 10 percent of the total — would The Coming of the Terror in the French Revolution be executed or die in prison through 1794.	Более десяти процентов членов Национального конвента — по крайней мере, 82 человека были казнены или умерли в тюрьме после начала террора во время Французской революции до 1794 года.
As the contemporary phrase would have it, terror had become “the order of the day.”	По словам современников, террор стал «частью распорядка дня».
How had this happened? How had the high ideals of 1789 turned to the violence and terror of 1793?	Но как такое могло произойти? Каким образом высокие идеалы 1789 года обернулись насилием и террором 1793 года?
“Future centuries,” wrote the deputy and minister Dominique Garat, “will be astonished by the horrors that we committed; they will also be astonished by our virtues. What will always remain incomprehensible is the incredible contrast between our principles and our follies.”	Политический деятель и министр Доминик Гара писал: «Будущие поколения будут поражены ужасными поступками, которые мы совершили; но они также будут поражены нашими добродетелями. Но колоссальное противоречие между нашими принципами и безумием так и останутся непостижимыми».
For well over 200 years, historians have struggled to understand this strange bipolarism of the Revolution.	На протяжении более 200 лет историки пытались понять эту странную двойственность Революции.
How can one explain the swing toward state-sponsored intolerance and repression? How was it that the Revolutionaries began killing one another?	Как объяснить приход движения к спонсируемой государством нетерпимости и репрессиям? Почему революционеры начали уничтожать друг друга?
Of all the issues concerning the period, the origins of the Terror is perhaps the most difficult, the most mysterious.	Среди всех вопросов, относящихся к данному периоду, самым сложным, вероятно, является вопрос о происхождении Террора.
Throughout the nineteenth century both historians and many French political figures attempted to come to terms with their nation’s violent past.	На протяжении всего XIX века историки и многие политические деятели Франции пытались примириться с жестоким прошлым своей страны.
François Guizot, Adolphe Thiers, Alphonse de Lamartine, Alexis de Tocqueville, Edgar Quinet, Victor Hugo, Jean Jaurès— all wrote extensively on the Revolution.	О революции писали такие ученые, писатели и политики, как: Франсуа Гизо, Адольф Тьер, Альфонс де Ламартин, Алексис де Токвиль, Эдгар Кинэ, Виктор Гюго и Жан Жорес.
In the twentieth century three generations of exceptionally talented historians — from Alphonse Aulard, Albert Mathiez, and Georges Lefebvre through Albert Soboul and Michel Vovelle— explained the Terror by emphasizing the powerful contingencies of foreign invasion and counterrevolution that Revolutionary leaders were compelled to confront.	В XX веке три поколения исключительно талантливых историков - от Альфонса Олара, Альбера Матьеа и Жоржа Лефевра до Альбера Собуля и Мишеля Вовеля объясняя причины Террора, подчеркивали большую вероятность иностранного влияния и контрреволюции, с которыми были вынуждены столкнуться лидеры Революции.

The assumption was that the Terror was a rationally calculated option, that it was always conceived as provisional, that the liberal achievements of the early Revolution were temporarily and self-consciously set aside—until threats to the new regime’s very survival could be beaten back and overcome.	Предполагалось, что Террор был рационально просчитанным временным вариантом, и либеральные достижения ранней Революции были сознательно отброшены до преодоления угроз новому режиму.
But another group of historians, more conservative in their orientation — from Hippolyte Taine and Augustin Cochin through François Furet — would explain Revolutionary violence and terror in terms of internal politics and above all ideology.	Но более консервативные ученые - от Ипполита Тэна и Огюстена Кошена до Франсуа Фюре объясняют насилие и террор революции с точки зрения внутренней политики и, прежде всего, идеологии.
Deeply immersed in the philosophy of the Enlightenment, so the argument went, the patriots of 1789 naively adopted a utopian plan to remake society from top to bottom on the basis of reason.	Данная группа историков полагает, что патриоты 1789 года, глубоко погружившись в идеи Просвещения, наивно приняли утопический план полной перестройки общества как основу.
Deprived of any direct experience in the exercise of power, they had “nothing to fall back on but first principles,” and above all on the political theories of Jean-Jacques Rousseau.	Революционеры не обладали непосредственным опытом осуществления власти и «не имели ничего, кроме базовых принципов» и, прежде всего, политических теорий Жан-Жака Руссо.
Of particular influence was Rousseau’s theory of the “general will,” according to which any variation from that will, any political opposition, any concept of political pluralism could be viewed as intrinsically pernicious and counterrevolutionary.	Особое влияние оказало понятие «общей воли» Руссо, согласно которому любое отклонение от этой воли, любая политическая оппозиция, любая идея политического плюрализма могли рассматриваться как контрреволюционные и разрушительные для государства.
In this sense the violence of 1793 was already inherent in the ideology of 1789.	В этом смысле насилие 1793 года уже характерно для идеологии 1789 года.
The National Assembly of that year, in Norman Hampson’s phrase, was but the “prelude to Terror.”	По словам Нормана Хэмпсона, Национальное собрание того года было лишь «прелюдией к Террору».
At the turn of the twenty-first century a number of historians attempted to move away from the stark dichotomy between “circumstances” and “ideology.”	На рубеже XXI века некоторые ученые пытались отойти от концепции резкого разветвления между «обстоятельствами» и «идеологией».
Arno Mayer, David Andress, Jean-Clément Martin, Donald Sutherland, Dan Edelstein, and Marisa Linton — among others — have written probing and complex analyses of the Terror and the events leading up to it.	Арно Майер, Дэвид Андресс, Жан-Клеман Мартен, Дональд Сазерленд, Дэн Эдельштейн и Мариса Линтон в своих работах проводили глубокие анализы Террора и событий, которые к нему привели.
Building on the work of such scholars and taking into account a considerable amount of new documentation, the present study seeks to entirely reexamine the question.	Данное исследование опирается на работы вышеуказанных ученых. Его задача — полное переосмысление проблемы Террора, учитывая значительное количество новой документации по этой теме.
Although “the Terror” can be defined in many ways, here it refers above all to state policy	Несмотря на то, что понятие «Террор» имеет ряд определений, в данном случае

during the period 1793– 1794 that used institutionalized violence and the threat of violence — primarily executions — both to punish and intimidate the purported enemies of the nation.	оно относится к государственной политике в период 1793-1794 годов, при которой насилие и угрозы насилием, в первую очередь — казни, носили законный характер и использовались как для наказания, так и для запугивания предполагаемых врагов нации.
While the book is conceived as a general interpretation of events in France from the onset of the Revolution through the fall of Robespierre, it focuses above all on the development of a political culture of violence among the leadership, on the attitude or mentalité, it will be argued, that preceded the Terror and made the option of “state-sponsored violence on an unprecedented scale” seem almost inevitable and necessary.	Идея данной книги — общая интерпретация событий во Франции от начала Революции до падения Робеспьера. Однако, основное внимание сосредоточено на развитии политической культуры насилия в правительстве, на отношении или менталитете, который, как будет утверждаться в дальнейшем, предшествовал Террору и привел к неизбежности и необходимости «государственного насилия в беспрецедентных масштабах».
In some respects, the book might be seen as a continuation of general reflections on the course of the French Revolution.	Данную работу можно рассматривать в некотором смысле как продолжение общих размышлений о ходе Французской революции.
Whereas an earlier study examined how the French became Revolutionaries, this work seeks to understand how they became terrorists.	Если в предыдущем исследовании рассматривались причины становления граждан Франции как революционеров, то в этой книге будут рассмотрены причины их превращения в террористов.
Three aspects of the book’s approach to the subject need to be underlined from the outset.	С самого начала необходимо выделить три аспекта к изучению вопроса.
First, in the exploration of the origins of a political culture of violence, considerable emphasis is placed on the process of the Revolution.	Во-первых, в изучении истоков политической культуры насилия особое внимание уделяется процессу Революции.
Part of the difficulty in understanding the Revolutionaries is that theirs was a moving reality in which values, perceptions, and ideologies were continually developing and transforming, often in a quite unpredictable manner.	Сложность понимания революционного движения частично заключается в том, что их жизнь была изменчивой, в которой ценности, мнения и идеологии постоянно развивались и трансформировались, часто совершенно непредсказуемым образом.
The Revolution was an extraordinarily innovative and protean period in which little if anything was scripted in advance.	Революция представляла собой необычайно новаторский и многогранный период, события которого были мало предсказуемыми, если незапланированными вовсе.
New perspectives and understandings were pieced together from a wide array of materials from the past or were entirely innovated.	Новые взгляды и представления были либо собраны из множества материалов прошлого, либо были абсолютно новыми.
Language was set adrift, as the relationship between words and things was transformed.	Язык словно плыл по течению, так как связи между словами и явлениями были преобразованы.
A great many leaders were themselves extraordinarily volatile, inconsistent, and	Многие лидеры движения отличались крайней непостоянностью,

vacillating in their positions from week to week and from month to month.	непоследовательностью и неуверенностью во взглядах, которые менялись от недели к неделе и от месяца к месяцу.
Even social identities and the values on which those identities were based were frequently reexamined and sometimes reformed.	Даже социальные идентичности и ценности, на которых они были основаны, часто пересматривались и иногда изменялись.
Indeed, it seems likely that in the Revolutionary dynamic no single array of factors was operative at all times.	В Революционном процессе фактически ни один из факторов не являлся постоянным.
The Revolution evolved, rather, in an irregular fashion through a series of “phase changes,” each initiated by unanticipated crises or events, each entailing a distinct configuration of cause and consequence.	Можно сказать, что Революция развивалась неравномерно, через ряд «фазовых изменений», каждое из которых являлось следствием непредвиденных кризисов или событий, имеющих собственные причины и следствия.
Many historians and social scientists over the years have gone astray by vaulting directly from the beginning of the Revolution to the Terror, with the unquestioned assumption that the first led directly to the second and with little appreciation for the importance of context and sequence.	Множество историков и социологов на протяжении многих лет заходили в тупик в своих исследованиях, переходя непосредственно от начала Революции к Террору. Ученые руководствовались неоспоримым утверждением, что первое являлось следствием второго, однако они не придавали значения важности контекста и последовательности событий.
Between interpretations based on the longue durée of ideology or class struggle and on the short term of immediate and imperious “circumstances,” it is essential to explore the “middle term,” and consider the extent to which attitudes underlying the Terror developed out of the Revolution itself.	Между интерпретациями, основанными на долгосрочном периоде идеологии или классовой борьбы и краткосрочном периоде непосредственных и императивных «обстоятельств», необходимо провести исследование «срединного периода» и рассмотреть, в какой степени идеи, лежащие в основе Террора, развились из самой Революции.
The military officer Lazare Carnot, deputy to the National Convention and member of the Committee of Public Safety during the Terror, put it succinctly: “A man does not begin as a revolutionary; he becomes one.”	Депутат Национального конвента и член Комитета общественной безопасности во время Террора, Лазар Карно, выразился кратко: «Человек не начинает быть революционером, он просто им становится».
Second, while the present study takes into account the full range of French urban and rural society, it focuses in particular on the political elites.	Во-вторых, хотя в данном исследовании учитывается весь спектр городского и сельского общества Франции, особое внимание уделяется политической элите.
Invariably our definition of such elites must be somewhat elastic.	Наше определение данной элиты должно быть в некоторой степени гибким.
We will consider under this rubric all those men who were elected to national, regional, or local offices after 1789 or who joined political clubs.	Здесь к этому классу относятся все мужчины, которые были избраны на национальные, региональные или локальные должности после 1789 года или вступили в политические клубы.
Two generations of scholarship have demonstrated that the vast majority of	Исследования последних поколений показали, что подавляющее большинство

leadership positions in the Revolution were held by the urban “middle class” of the Old Regime: nonprivileged male commoners — those who were neither nobles nor clergymen — whose occupations did not involve physical labor.	руководящих должностей в период Революции занимали представители городского «среднего класса» Старого режима: непривилегированные мужчины из простонародья, которые не относились ни к аристократии, ни к церкви, а их деятельность не была связана с физическим трудом.
To be sure, a certain number of nobles and priests also attained political positions in the Revolution, and there was some variation between those holding posts of national responsibility in Paris and those serving in regional, town, or neighborhood administrations.	Разумеется, определенное число дворян и священников также получали политические должности. Кроме того, существовала некоторая разница между теми, кто занимал ответственные государственные посты в Париже, и теми, кто служил в региональных, городских или районных управлениях.
Municipal elites might include a minority of artisans and petty merchants, and at the village level, leadership was often dominated by wealthy landowning farmers.	Муниципальная элита могла включать небольшое количество ремесленников и мелких торговцев, а в руководстве деревнями часто доминировали зажиточные крестьяне.
Moreover, there was a certain evolution over time that brought to power individuals somewhat lower in the social hierarchy.	Кроме того, со временем произошла определенная эволюция, которая привела к власти индивидов, стоящих ниже в социальной иерархии.
For the most part, however, the Revolutionary political class was composed of “respectable, urban professionals and tradesmen,” well educated and generally born in the 1740s or 1750s.	Но революционный политический класс состоял преимущественно из «уважаемых городских жителей и торговцев», которые имели хорошее образование и, как правило, родились в 1740-х или 1750-х годах.
The most important political clubs were dominated by the same social group.	В наиболее влиятельных политических клубах доминировали представители одной и той же социальной группы.
Even the leadership of the neighborhood councils or “sections” of Paris — commonly associated with the sans-culottes — are known to have come primarily from the educated middle classes.	Известно, что даже руководство районных советов или «секций» Парижа, которые обычно ассоциируются с санкюлотами, в основном состояло из образованных представителей среднего класса.
This dominance of male social elites is scarcely surprising.	Такое превосходство мужской социальной элиты ожидаемо.
Through 1792 elected positions at all levels were restricted by law to men who paid a significant minimum tax.	До 1792 года выборные должности на всех уровнях были ограничены законом. Их могли занимать только мужчины, которые платили значительный минимальный налог.
Even after that date leadership was often limited to those who could afford to devote sufficient time to public functions and who were not tied to the day to day necessities of making a living.	И даже после 1792 года должности занимали только те, кто мог позволить себе уделять достаточно времени общественным делам и не был отягощен повседневными заботами о пропитании.
It was also limited to those who possessed functional literacy.	Кандидаты на должность также должны были обладать узкопрофессиональной грамотностью.

In fact, on the eve of the Revolution, only slightly over one-half of all men in France were able to sign their names on their acts of marriage, and only a far smaller percentage had the schooling necessary to assume positions of civic responsibility.	Действительно, накануне Революции лишь чуть больше половины мужчин во Франции могли вписать свои имена в актах о браке, и еще меньший процент жителей имел образование, необходимое для того, чтобы занимать ответственные гражданские должности.
Overall, those individuals capable of holding leadership posts represented only about one-fifth of the male population of Revolutionary Paris and a substantially smaller proportion elsewhere in the country.	В результате, только одна пятая часть мужского населения Парижа в период революции могла занимать руководящие должности. В других частях страны данный показатель был гораздо меньше.
As for women, there can be no doubt that those of all classes closely followed the Revolution.	Что касается женщин, то, несомненно, представительницы всех классов внимательно следили за ходом Революцией.
On occasion, through their writings, through their participation in popular societies, through their presence in demonstrations and revolts, they measurably influenced the course of events.	В отдельных случаях, женщины влияли на события через свои труды, участие в народных сообществах, присутствие на демонстрациях и восстаниях.
Indeed, we will underscore the veritable “feminist moment” in the spring and summer of 1793, when a significant number of women in Paris and the larger provincial towns achieved a remarkable level of political consciousness and activism.	Важно подчеркнуть истинный «момент феминизма» весной и летом 1793 года, когда значительное число женщин в Париже и крупных провинциальных городах достигли выдающегося уровня политического сознания и активности.
During these years they were granted social and economic rights that would have been scarcely imaginable in 1789.	В эти годы им были предоставлены социальные и экономические права, которые вряд ли можно было представить в 1789 году.
But women never attained — and only rarely sought — the right to vote or hold office.	Но женщины никогда не добивались, а лишь изредка запрашивали права голосовать или занимать политические должности.
While they must and will be taken into account, the primary focus will be on the Revolution’s male institutional leadership.	Несмотря на то, что интересы женского населения должны и в дальнейшем будут учтены, основное внимание будет уделено мужскому институциональному руководству Революции.
Third, the present study examines not only the political and institutional activities of the elites but also the evolving mindset that motivated and energized those activities.	В-третьих, в данном исследовании рассматривается не только политическая и институциональная деятельность представителей элиты, но и постоянно развивающееся мышление, которое мотивировало и наполняло энергией данное движение.
In order to understand the development of a political culture of violence, we will argue, it is necessary to explore the psychology of the Revolutionary leaders — as others have attempted to understand the psychology of the masses and the crowds.	Мы утверждаем, что исследование психологии лидеров Революции, как и другие попытки исследования психологии масс и толпы необходимы для понимания процесса развития политической культуры насилия.

In broaching this issue, we do not intend to adopt a preconceived theoretical framework.	Мы также не намерены основываться на существующих теориях при исследовании данного вопроса.
“Psychology” is used here in a general sense to evoke the mental states and emotions, the mentalité of those who lived through the period.	Понятие «Психология» используется в данной работе в общем смысле с целью передачи психического состояния, эмоций и менталитет тех, кто жил в этот период.
Historians often assume that the behavior of the Revolutionary leaders was always rationally calculated, whether in the effort to logically reconstruct the state and society, to advance their career or faction, or to implement one or another coherent ideology.	Среди историков популярно предположение о том, что поведение лидеров Революции всегда было рационально просчитанным, будь то стремление логически перестроить государство и общество, продвинуть фракцию или самого себя, или внедрить ту или иную последовательную идеологию.
Yet emotion could play a significant role in actions and decisions.	Однако, эмоции могут играть значительную роль в их действиях и решениях.
For those who have never lived through a revolution, it is easy to overlook how disconcerting, unsettling, and painful such an experience can be.	Тем, кто никогда не переживал революцию, сложно осознать, насколько обескураживающим, тревожным и болезненным может быть подобный опыт.
At a time when so many everyday assumptions were being reassessed or overthrown, anxiety and fear, anger and the desire for revenge, shame and humiliation could all come into play in both individual and collective behavior.	В то время, когда так много обычных представлений подвергалось переоценке или низвергалось, тревога, страх, гнев, желание отомстить, стыд и унижение могли проявиться как в индивидуальном, так и в коллективном поведении.
Indeed, during periods of great stress, there was often a volatility of emotions among both the elites and the masses, a rapid alternation between joy and anguish, empathy and hatred.	Более того, в периоды сильного стресса часто наблюдалась эмоциональная неустойчивость как среди элиты, так и среди масс, быстрое чередование радости и страдания, сочувствия и ненависти.
The French Revolution, we shall argue, was quite unanticipated, at least before 1787, and the men to whom power devolved, the architects of the new regime, were long forced to grope for a consistent policy and a coherent ideology.	Мы утверждаем, что Французская революция, была совершенно непредвиденным явлением, по крайней мере, до 1787 года, и люди, к которым перешла власть, строители нового режима, были вынуждены долго создавать последовательную политику и понятную идеологию.
The great majority might agree on the general goals of “liberty” and “equality,” and they might adopt those goals with all the conviction and enthusiasm of the newly converted.	Подавляющее большинство могло согласиться с общими целями «свободы» и «равенства» и принять их со всей убежденностью и энтузиазмом новообращенных.
But the application of these principles in a society quite unaccustomed to the reality of such values, the determination of the boundaries of liberty, the limits of equality, and the reconstruction of a new regime in the midst of an old would all prove extraordinarily challenging.	Но применение данных принципов в обществе, совершенно непривыкшем к таким ценностям, определение границ свободы и равенства, воссоздание нового режима на фоне старого - все это окажется необычайно сложной задачей.

All major revolutions are invariably destabilizing, because they involve a process of tearing down and transition, with lengthy periods of interregnum when the old regime has been discredited but the new is still struggling to assert its legitimacy.	Все значительные революции неизменно нарушают равновесие в обществе, поскольку они включают в себя процесс разрушения и перехода, с длительными периодами междоцарствия, когда доверие к старому режиму потеряно, а новый все еще пытается утвердить свою легитимность.
The task can become even more daunting with the emergence of counterrevolutionary movements that fundamentally repudiate the new value system.	Задача усложнится в связи с появлением контрреволюционных движений, которые в корне отвергают новую систему ценностей.
While some revolutionaries rapidly evolve into confident true believers, a great many others are plagued by doubts, uncertainty, and mistrust.	В то время как одни революционеры быстро превращаются в убежденных приверженцев режима, многих других мучают сомнения, неуверенность и недоверие.
Both social psychologists and neuroscientists have underscored the tight link in human behavior between cognition and affect, between reason and emotion.	Социальные психологи и неврологи отмечают тесную взаимосвязь в человеческом поведении между познанием и аффектом, разумом и эмоциями.
Such emotions are mediated by cultural rules and expectations and are modified over time through close interaction between individuals in an “emotional community” — to use the concept elaborated by Barbara Rosenwein.	Согласно концепции Барбары Розенвейн, эмоции опосредованы культурными правилами и ожиданиями. Со временем они изменяются в результате тесного взаимодействия между людьми в «эмоциональном сообществе».
Moreover, collective emotions are part and parcel of the phenomenon of rumor — its generation, its propagation, and its transformation within the society.	Более того, коллективные эмоции являются неотъемлемой частью феномена слухов - их порождения, распространения и трансформации в обществе.
In times of great stress such rumors can transcend sociocultural class and cross between emotional communities that are normally separate.	Во время сильного напряжения данные слухи могут выходить за рамки социокультурного класса и пересекаться между эмоциональными сообществами, которые обычно разделены.
Thus, the fear, suspicion, and anger of the masses can play a significant role in elite revolutionary behavior.	Таким образом, страх, подозрение и гнев масс могут играть значительную роль в революционном поведении элиты.
The role of emotions in the coming of the Terror has not been entirely ignored by scholars.	Ученые учитывали роль эмоций в наступлении Террора.
The great historian Georges Lefebvre was well aware of their importance, and in recent years William Reddy and Sophie Wahnich have written thoughtful essays on the question.	Великий историк Жорж Лефевр осознавал их значение, а в последние годы Уильям Редди и Софи Ваниш проводили подобные исследования данного вопроса.
However, the present study seeks to go beyond the concept of the undifferentiated “sentiment” proposed by most recent authors and to focus on the impact of specific emotions.	Однако настоящее исследование стремится выйти за рамки концепции однообразного «настроения», предложенной большинством вышеупомянутых авторов, и сосредоточиться на влиянии конкретных эмоций.

Considerable attention will be given to the enthusiasm and fervor in the Revolution, to the intensity of conviction, to the “supernatural effects” of liberty and equality.	Значительное внимание будет уделено энтузиазму и воодушевлению Революции, напряженности убеждений, «сверхъестественным результатам» свободы и равенства.
But in our effort to understand the mentality of the Terror, particular emphasis will be placed on the emotion of fear and the specific contingencies that engendered such fear.	Но в наших попытках понять менталитет Террора, особое внимание будет уделено страху и конкретным обстоятельствам, которые его порождали.
Indeed, the argument will be made that fear was one of the central elements in the origins of Revolutionary violence: fear of invasion, fear of chaos and anarchy, fear of revenge.	Нами будет выдвинута идея о том, что страх был одним из центральных элементов в истоках революционного насилия: страх вторжения, хаоса, анархии и мести.
Moreover, as we shall discover, the psychology of the Revolution was increasingly characterized by a predominant fear of conspiracy, a belief that would be a major factor in the emergence of anger and hatred among the elites and in the imposition of state - sponsored violence and repression.	Более того, мы вскоре обнаружим, психология Революции все больше характеризовалась преобладающим страхом заговора, верой, которая станет основным фактором возникновения гнева и ненависти среди элиты и введения поощряемого государством насилия и репрессий.
By 1793 this “paranoid style of politics”— to use the term of Richard Hofstadter— was no longer an episodic reaction to individual cases of counterrevolutionary plots — for which demonstrable evidence had been uncovered— but an obsessional fear of a ubiquitous, monolithic “grand conspiracy.”	К 1793 году этот «параноидальный политический стиль» - термин Ричарда Хофштадтера, являлся уже не случайной реакцией на отдельные случаи контрреволюционных заговоров, доказательств которых так и не было найдено, а навязчивым страхом перед вездесущим, монолитным «великим заговором».
Virtually all of the difficulties encountered by the Revolutionaries would be attributed to the actions of a few omnipotent figures manipulating the strings behind a veil of secrecy.	Практически все трудности, с которыми столкнулись революционеры, могли объясняться действиями нескольких всемогущих лиц, тайно управляющих всем процессом.
In our effort to comprehend the violent events of the Revolution, we must seek to understand how it was that the Terrorists themselves felt terrorized.	Пытаясь осмыслить насильственные события революции, необходимо попытаться понять, как именно сами террористы чувствовали себя жертвами террора.
Any history that hopes to take into account both the rational and the emotional repertoires of Revolutionary behavior invariably confronts the problem of sources.	Любой исследователь в попытках учесть рациональные и эмоциональные аспекты поведения революционеров, неизменно сталкивается с проблемой источников.
The present study makes use of a wide range of manuscript and printed documents, including parliamentary debates, newspapers, and brochures.	При написании данной работы использован широкий спектр рукописных и печатных документов, включая парламентские дебаты, газеты и брошюры.
But of particular importance are the contemporary series of letters and diaries of some seventy or eighty individuals who experienced the events of the Revolution directly.	Но особое значение имеют письма и дневники примерно семидесяти или восьмидесяти человек, переживших события Революции.

The sustained use of correspondence in a study of this kind may strike the reader as surprising.	Непосредственное использование переписки в исследовании такого рода может удивить читателя.
In general, when historians look to personal testimonies, they are far more likely to draw on the memoirs or “histories” of contemporaries.	В целом, при обращении к личным свидетельствам, гораздо чаще используются мемуары или «истории» современников.
The memoirs of Talleyrand, Alexandre Lameth, Bertrand Barère, Paul Barras, MarieJeanne Roland, and the marquis de Ferrières were called on repeatedly by nineteenth- and twentieth-century historians.	Историки XIX и XX веков неоднократно обращались к мемуарам Талейрана, Александра Ламета, Бертрана Барера, Поля Барраса, Мари-Жанны Ролан и маркиза де Феррье.
Consisting of preconstructed narratives, already sorted and organized, such materials are relatively easy to access and integrate, and we will have occasion to consult a certain number.	Такие материалы имеют построенное и структурированное повествование, они легкодоступны и интегрируемы. В дальнейшем мы обратимся к некоторым из них.
Unfortunately, however, most memoirs were written twenty or thirty years after the events described, and all were subject to the transformative effects of memory.	К сожалению, большинство мемуаров было написано через двадцать или тридцать лет после описываемых событий, и все они подвержены преобразующему воздействию памяти.
Letters, by contrast, are more difficult to use.	В противоположность мемуарам, письма представляют большую сложность для анализа.
They typically wander over a wide range of topics, interspersing accounts of political events with personal observations of all kinds — family news, health problems, local gossip, or instructions concerning a farm or a business.	Они обычно охватывают широкий круг тем. Рассказы о политических событиях перемежаются с личными наблюдениями - семейные новости, проблемы со здоровьем, местные сплетни, указания, касающиеся сельского хозяйства или торговли.
Yet day to day accounts of this kind by thoughtful contemporaries, presenting observations and opinions without foreknowledge, can provide rich insight into the development and dynamic of the Revolution.	Тем не менее, подобные обыденные рассказы современников передают наблюдения и мнения без какого-либо прогнозирования и могут предоставить полное представление о развитии Революции.
They can be especially valuable for our understanding of the impact of emotions.	Письма также могут быть особенно ценными для понимания значения эмоционального воздействия.
The eighteenth century was, after all, a golden age of correspondence.	В конце концов, XVIII век был золотым веком переписки.
Much more than in our own century of electronic media, letter writing between friends and loved ones was a serious enterprise, as individuals passed along in the form of an ongoing conversation the impressions and information they felt were most important.	В сравнении с текущей эрой электронных технологий переписка между друзьями и близкими была более серьезным явлением, поскольку люди рассказывали о своих впечатлениях собеседнику и передавали наиболее важную информацию в форме непрерывного диалога.
Of course, no two sets of letters are the same.	Разумеется, не существует двух одинаковых наборов писем.
Much depended on the specific relationship between individual writers and their	Многое зависело от взаимоотношений между конкретными собеседниками, и, к

correspondents, and unfortunately we usually have only one side of the “conversation.”	сожалению, при изучении материалов ученые обычно могут изучить только одну сторону «диалога».
In general we have given preference to longer and sustained exchanges between close friends, colleagues, or relatives.	В данном исследовании была изучена преимущественно длительная переписка между близкими друзьями, коллегами или родственниками.
Such letters are particularly useful, moreover, when they are read “in series,” when one compares the reactions and impressions conveyed by several different witnesses who passed through the same experiences.	Подобные письма особенно полезны для науки. Более того, при «последовательном» чтении можно сравнить реакции и впечатления нескольких свидетелей, прошедших через один и тот же опыт.
Used in this manner, series of letters allow us to integrate a kind of “microhistory” into our macrohistorical account, where the microhistories in question are not of local regions or villages but of the experiences of specific individuals.	Таким образом, переписка позволяет историкам присоединить своего рода «микроисторию» в макроисторический отчет, в котором внимание уделено не регионам страны, а опыту конкретных людей.
The sets of correspondence examined here represent a variety of social milieus, men and women, commoners and nobles, Parisians and provincials.	Рассмотренные в данном исследовании письма отображают представителей разных сообществ: мужчин и женщин, простолюдинов и дворян, парижан и жителей провинции.
They include deputies, magistrates, publishers, businessmen, retirees, wives of officials, and soldiers on their way to the front.	Среди них также выделяются чиновники, мировые судьи, книгоиздатели, предприниматели, пенсионеры, жены чиновников и солдаты, отправляющиеся на фронт.
With only a few exceptions— notably Georges Couthon, Pierre Vergniaud, and Gilbert Romme— the correspondents led relatively modest lives, largely forgotten by historians.	За редким исключением - в частности, Жоржа Кутона, Пьера Верньо и Жильбера Ромма – авторы писем вели относительно скромную жизнь, в основном забытую историками.
Though they might well take passionate positions on specific events, they were ultimately observers rather than players.	Несмотря на то, что они вполне могли иметь вполне четкое мнение в отношении конкретных событий, в конечном итоге они были скорее наблюдателями, чем участниками.
Indeed, relatively few personal letters are preserved for Robespierre, Danton, Barnave, Saint-Just, Barère, Brissot, and many of the other major leaders.	Безусловно, сохранилось относительно мало личных писем Робеспьера, Дантона, Барнава, Сен-Жюста, Барера, Бриссо и многих других крупных лидеров.